

Научная статья

УДК 343.95

doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.010

Влияние криминальной субкультуры на взаимодействие несовершеннолетних правонарушителей с социальным окружением

КИРИЛЛ ВИТАЛЬЕВИЧ ЗЛОКАЗОВ

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, zkirvit@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>

Реферат

Введение: сложно переоценить роль социального окружения несовершеннолетнего в процессе его адаптации, преодоления им трудных жизненных ситуаций. Социальное окружение оказывает психосоциальное влияние, формируя представление подростка о себе, его самооценку. Исследуется значение социального окружения несовершеннолетних в различных областях социального взаимодействия, раскрывается вклад социальных связей преступников в побуждение к преступлению, формирование криминальной идеологии. Доказано влияние социальных связей на профилактику и пресечение преступлений подростков и молодежи. Вместе с тем недостаточно изучено воздействие криминальной субкультуры на установление отношений с социальным окружением. В частности, неясным остается влияние субкультуры на изменение представлений несовершеннолетних о взаимодействии с другими людьми, социальными группами. Понимание этого позволит оценивать степень негативного влияния криминальной субкультуры на несовершеннолетних. *Цель:* изучение социальных связей у несовершеннолетних правонарушителей, разделяющих ценности криминальной субкультуры, в том числе посредством сравнения с аналогичными параметрами правопослушных несовершеннолетних. *Методы:* методом сбора данных является анкетирование, устанавливающее параметры социальных связей – объем, стабильность, гомогенность, подчиненность и референтность. Методом обработки результатов выступают процедуры дескриптивной статистики, а также непараметрический аналог однофакторного дисперсионного анализа (H-критерий Краскела – Уоллиса). Выборку исследования образуют 229 чел. в возрасте от 13 до 17 лет, 64,6 % – лица мужского пола. Из обследованных 91 чел. осужден за совершение преступлений либо обучается в специализированных учреждениях. Остальная часть испытуемых (138 чел.) характеризуются правопослушным поведением, в период обследования не являются подозреваемыми или обвиняемыми. *Результаты и новизна:* получены новые сведения о специфике социальных связей делинквентных подростков в части малого объема отношений, гомогенности участников, низкой референтности социального окружения; определены перспективы исследования социальных связей в условиях социальной регламентации взаимодействия с учетом пола и социально-культурной специфики.

Ключевые слова: профилактика правонарушений; социальное окружение; криминальная субкультура; социальная изоляция; самооценка.

5.3.9. Юридическая психология и психологическая безопасность.

Для цитирования: Злоказов К. В. Влияние криминальной субкультуры на взаимодействие несовершеннолетних правонарушителей с социальным окружением // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 97–106. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.010.

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-012-00415.

Impact of Criminal Subculture on Social Interaction of Juvenile Offenders

KIRILL V. ZLOKAZOV

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia, zkirvit@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>

Abstract

Study relevance: significance of social environment of a minor for adaptation and overcoming difficult life situations is substantiated. It is shown that social environment exerts a psychosocial influence, forming minors' ideas of themselves and their self-esteem. The role of minors' social environment in various areas of social interaction is studied and importance of criminals' social ties for inducing crime and forming criminal ideology is shown. Besides, the impact of social ties on prevention and suppression of adolescents' crimes is proven. At the same time, the influence of a criminal subculture on establishment of relations with social environment remains insufficiently studied. In particular, the subculture impact on changing minors' ideas about interaction with other people and social groups is unclear. Understanding this will allow us to assess a degree of negative influence of a criminal subculture on minors. *Study purpose:* to identify social ties of juvenile offenders who share criminal subculture values, including by comparing with similar characteristics of law-abiding minors. *Methods:* the method of data collection is a questionnaire describing parameters of social relations, such as volume, stability, homogeneity, subordination and reference. Procedures of descriptive statistics and a nonparametric analogue of one-way analysis of variance (Kruskal-Wallis H-test) are used as methods for processing acquired results. The study sample consists of 229 people aged 13–17, 64.6% of whom are male, 91 of the surveyed are either convicted of crimes or are attending specialized institutions. The rest of the sample (138 people) is characterized by law-abiding behavior; during the survey period they are not suspected or accused. *Results and novelty:* new data on the specifics of social ties of the delinquent youth are received, in particular, small volume of relations, homogeneity of participants, low reference of social environment; prospects for studying social ties under conditions of social regulation of interaction with regard to gender and socio-cultural specifics are determined.

Key words: crime prevention; social environment; criminal subculture; social isolation; self-esteem.

5.3.9. Legal psychology and psychological security.

For citation: Zlokazov K. V. Impact of criminal subculture on social interaction of juvenile offenders. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 97–106. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.010.

Acknowledgements: the work is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-012-00415.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности программ противодействия криминализации несовершеннолетних. Прилагаемые в настоящее время сотрудниками правоохранительных органов и образовательных организаций усилия действительно способствуют снижению уровня преступности несовершеннолетних [10]. Однако наряду с этим растет общественная опасность преступлений, учащаются случаи применения оружия в отношении сверстников и учителей.

В целях снижения криминализации необходимым представляется совершенствование психолого-педагогических программ превенции насилия, гармонизирующих взаимодействие несовершеннолетних с социальным окружением. Эффективность подобных программ уже отмечалась в специальной литературе [11]. Их основу образуют научные представления

о возрастных особенностях развития несовершеннолетнего: стремление к эмансипации, желание противопоставить себя взрослым, реакции группирования со сверстниками, ориентация на саморазвитие и самоопределение. Подобные программы направлены на формирование ценностно-мотивационной сферы, Я-концепции и самооценки несовершеннолетнего. Вместе с тем снижать риск насилия способны не только сформированные личностные качества.

Альтернативным направлением профилактики криминализации несовершеннолетних является социально-психологическое. Оно нацелено на формирование взаимодействия несовершеннолетних с окружающими их людьми. Социальное окружение играет существенную роль в жизни подростка, выполняя ресурсно-поддерживающие, защитные, образовательные, экспертные и иные функции. Значимым условием жизненного и психологического

благополучия несовершеннолетнего выступает способность формировать социальные отношения, обеспечивающие получение поддержки и помощи. С учетом того, что подростки из неблагополучных семей чаще испытывают сложности с удовлетворением потребностей, принято считать их целевой категорией для формирования подобных навыков. При этом исследователи указывают на недостаточный уровень социальной компетентности и трудности социально-го взаимодействия у этой группы лиц [3; 13].

Считая, что нарушенное взаимодействие может быть обусловлено искаженными представлениями, установками и ценностями, мы предполагаем, что одной из причин формирования последних у подростков выступает субкультура. В данном исследовании мы рассмотрим влияние криминальной субкультуры на социальное взаимодействие несовершеннолетних, оценивая эффект ее воздействия на представления, установки и ценности.

Цель представленного в статье исследования – определение влияния криминальной субкультуры на субъективные отношения несовершеннолетних правонарушителей к сверстникам.

Идея исследования заключается в рассмотрении влияния социально-психологических эффектов криминальной субкультуры на ее последователей. Предполагается, что криминальная субкультура формирует представление несовершеннолетних правонарушителей о социальном взаимодействии. Находясь под ее влиянием, несовершеннолетние правонарушители должны соблюдать определенные правила и следовать предписанным ею нормам поведения [12]. В результате представления несовершеннолетних правонарушителей о социальном окружении могут быть искажены субкультурой, а их отношение в той или иной степени отражать данное воздействие.

Практическая значимость исследования заключается в изучении воздействия субкультуры на содержание представлений несовершеннолетних о людях, составляющих их социальное окружение. Рассматривая организацию социальных связей и отношение к окружающим у несовершеннолетних, разделяющих криминальную субкультуру, можно оценить степень ее негативного влияния на личность и социальное взаимодействие.

Исследование проблемы осуществляется посредством обобщения социально-психологических знаний о влиянии субкультуры на представления ее последователей, изучения параметров и характеристик социального окружения несовершеннолетнего. Путем сравнения трех групп несовершеннолетних, живущих в разных условиях социальной регламентации взаимодействия, выявляются различия в организации социального окружения, затем определяется уровень убежденности в криминальной идеологии. Описываются различия, обусловленные мерой поддержки криминальной идеологии. В завершении статьи формулируются выводы о влиянии криминальной идеологии на представления несовершеннолетних о социальном окружении.

Теоретические основания исследования

Характеризуя значение социального окружения несовершеннолетнего, следует отметить наличие значительного количества работ, раскрывающих его роль в становлении и развитии личности, формировании социальных качеств подростка. Исследования социального окружения затрагивают различные аспекты жизнедеятельности человека, демонстрируют влияние социальных связей и отношений с окружающими людьми. Показано, что социальное окружение оказывает многоплановое влияние на человека [23], в том числе его психологическое состояние и удовлетворенность жизнью [19], способность преодолевать жизненные трудности [24]. Существующие научные представления описывают социальное окружение в качестве среды, выполняющей функции защиты, поддержки и опосредующей взаимодействие несовершеннолетнего с миром.

Структура социального окружения несовершеннолетних правонарушителей рассматривалась в контексте социологических и социально-психологических исследований. Показано, что в нее входят группы семьи и близких родственников, учебные и профессиональные коллективы, группы сверстников, образующие неформальное окружение. Установлено, что недостатки социального окружения – неполная семья или ее отсутствие, нарушения взаимодействия со сверстниками или иные изъяны – негативно влияют на социальное развитие и самооценку несовершеннолетнего. Как правило, эти проблемы обнаруживаются в дефектах социальной регуляции поведения.

В целом влияние данных групп на несовершеннолетнего, его решения и поступки неоднородно. Отмечается, что социальное окружение в представлении несовершеннолетнего отличается разным уровнем референтности [14]. Наибольшей референтностью обладают сверстники: друзья, братья и сестры, меньшим уровнем – родители и учителя [6]. Вариации референтности обусловлены психологическим развитием субъекта – по мере взросления референтные лица и группы заметным образом изменяются [18].

Роль социального окружения несовершеннолетних анализировалась в контексте возрастного развития и социализации, а применительно к несовершеннолетним правонарушителям – в контексте влияния окружающих на формирование противоправного поведения. В исследованиях фиксируется роль близких родственников, друзей и сверстников в побуждении к различным видам преступлений (например, кражам и убийствам [21], распространению наркотических средств [16] и пр.). В частности, зарубежными исследователями установлено, что большинство преступлений обсуждалось несовершеннолетними с наиболее близкими им людьми [17]. Лица из социального окружения оказывают наиболее существенное влияние на несовершеннолетних. Так, изучая делинквентное поведение подростков, Д. Ж. Шоемекер установил, что пример взрослых является наиболее значимым среди всех возможных побуждений, которым руководствуется подросток [22]. Существенное влияние социальное окружение оказывает на злоупо-

требление алкоголем, курение, прием наркотиков и другие виды аддиктивного поведения [15].

Таким образом, социальное окружение подростка выступает существенным фактором, определяющим подверженность асоциально-деструктивному и криминальному воздействию. Окружение может усиливать и усугублять это воздействие, а может, напротив, сдерживать, ограничивать и защищать от негативного влияния.

В развитие вопроса о роли окружения в становлении несовершеннолетнего необходимо выяснить значение и характер воздействия субкультуры.

Социально-психологическое влияние криминальной субкультуры на несовершеннолетнего

Рассматривая субкультуру как социальное явление, следует отметить, что научные подходы к ее изучению предполагают выделение функционального и структурного значений [5].

В нашем исследовании используется функционалистский подход, ориентированный на изучение роли, которую выполняет субкультура для своих приверженцев. Выбор в пользу этого подхода обусловлен его релевантностью теме исследования, поскольку значительная часть проводимых работ была нацелена на изучение девиантных сообществ городских жителей (безработных, бездомных, преступников). Девиантная субкультура рассматривалась альтернативным способом самореализации. Р. Мертон, в частности, утверждал, что появление субкультуры обусловлено неспособностью жителей городских трущоб достигать целей, декларируемых массовой культурой [2], а ее существование легитимизировало допустимость асоциальных способов обретения материального благополучия и статуса [8]. Таким образом, функционалистский подход к определению криминальной субкультуры позволяет представить ее социально-психологическим механизмом, дающим несовершеннолетним возможность достигать социально заданных целей криминальным способом.

Отечественные и зарубежные культурологические исследования подтверждают, что в текущем состоянии российская криминальная субкультура соответствует этому по ряду признаков. Она провозглашает гедонистический образ жизни, оправдывая насилие и жестокость в качестве методов его достижения, обесценивает культуру труда и социального порядка [1].

Популярность криминальной субкультуры в российской подростковой среде объясняется совокупностью причин: во-первых, упрощением стратегии социального успеха, декларирующей возможность применения насилия для его обретения; во-вторых, признанием допустимыми социальных девиаций – алкоголизма, наркомании, проституции; в-третьих, виктимностью отдельных категорий населения (лиц без определенного места жительства, мигрантов, ведущих асоциальный образ жизни, и др.), способствующей получению первичного опыта криминального воздействия [12].

В контексте существующих социальных условий криминальная субкультура может обеспечивать при-

тязания несовершеннолетних на удовлетворение жизненных и социальных потребностей, способствуя признанию ими ценностей, установок и моделей криминального поведения, использоваться для организации неформальных сообществ. Как показывают современные исследования, криминальная субкультура содержит ряд норм и предписаний, ограничивающих социальное взаимодействие [12; 13]. Ими могут выступать запреты на обращение в правоохранительные органы, искаженное восприятие отдельных социальных групп (например, обесценивание сотрудников органов внутренних дел, лиц без определенного места жительства), подчинение участников криминального сообщества друг другу в зависимости от иерархии, возможность проявления насилия к нижестоящим по статусу участникам группы и вероятность подвергнуться насилию со стороны более статусных участников группы, жестокость наказаний за нарушение отдельных норм и правил криминальной субкультуры и пр. [7]. Кроме того, порицаемым в отдельных криминальных группах является занятие трудовой деятельностью, профессиональное обучение.

Обобщая, можно прийти к выводу, что под влиянием криминальной субкультуры затрудняется и ограничивается взаимодействие несовершеннолетних с социальными институтами, искусственно культивируется враждебное отношение к правоохранительным органам и отдельным категориям населения. Вместе с тем не в полной мере изученным остается влияние криминальных субкультур на установление и поддержание социальных контактов, формирование отношений к другим людям, а также характеристики системы отношений с социальным окружением. В связи с этим целесообразно изучить организацию взаимодействия с социальным окружением у несовершеннолетних правонарушителей с разным уровнем подверженности криминальной субкультуре.

Эмпирическое исследование

Целью исследования выступало изучение связей несовершеннолетних правонарушителей с социальным окружением.

Задачами являлись: изучение характеристик социальных связей и отношений с окружающими; сопоставление характеристик социальных связей в выборках несовершеннолетних с разным уровнем криминальной направленности.

Гипотезой исследования стало предположение о различиях характеристик социальных связей несовершеннолетних с разным уровнем криминальной направленности.

В исследовании применялись две группы методов: методы сбора данных и методы их статистического анализа.

Сбор данных осуществлялся посредством специально разработанной анкеты, отражающей основные представления о характеристиках взаимодействия несовершеннолетнего с социальным окружением [25]. В анкету входили вопросы, описывающие характеристики социальных связей: (1) объем («С каким количеством людей Вы общаетесь в течение дня?»);

(2) стабильность («Как часто Вы образуете новые отношения, прекращая при этом старые?»); (3) гомогенность («Похожи ли люди, с которыми Вы общаетесь в течение дня, друг на друга?»); (4) подчиненность («Какое количество людей влияет на Вас в течение дня?»); (5) референтность («Мнение скольких людей из Вашего окружения Вам важно?»).

Для измерения характеристик объема, барьеров взаимодействия и референтности использовалась одномерная пятибалльная шкала, где минимальное значение символизировало самого опрашиваемого, а для характеристик гомогенности и конфликтности – двумерная, в которой противоположные значения представляли собой альтернативные по смыслу варианты (например: будут конфликтовать – смогут дружить).

Оценка подверженности криминальной субкультуре проводилась путем интервьюирования с приме-

нением методики, предложенной М. И. Кошеновой и Е. А. Краюшкиной [4]. Отношение обследуемых к субкультуре выявлялось с помощью анкеты «Представление о криминальном мире». На основании ответов респонденты были распределены по трем группам: положительное, нейтральное и отрицательное отношение к криминальной субкультуре (см. табл. 1).

На основе обследования была сформирована выборка исследования. Методы анализа данных: меры дескриптивной статистики. Статистические различия между группами оценивались методом Н-критерия Краскела – Уоллиса.

Состав участников исследования включал 229 чел., разделенных на две группы: несовершеннолетние правонарушители и несовершеннолетние с правопослушным поведением.

Таблица 1

Показатели отношения к криминальной субкультуре

№ п/п	Отношение к криминальной субкультуре	Группа правонарушителей		Группа правопослушных	
		Респондентов (91 чел.)	% выборки	Респондентов (138 чел.)	% выборки
1	Положительное отношение	68	74,7 %	9	6,5 %
2	Нейтральное отношение	18	19,8 %	17	12,3 %
3	Отрицательное отношение	5	5,5 %	112	81,2 %

Первично группа несовершеннолетних правонарушителей включала 91 чел. (средний возраст = 15,4 лет, SD = 1,5 лет, 74,7 % – мужского пола). После измерения отношения к криминальной субкультуре методом М. И. Кошеновой и Е. А. Краюшкиной из группы были исключены 5 чел., отрицательно относившихся к криминальной субкультуре.

В итоге в исследовании участвовали 86 несовершеннолетних правонарушителей. Это лица, находящиеся на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних, а также осужденные к лишению свободы, обучающиеся в специализированных учебно-воспитательных учреждениях г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, г. Екатеринбурга и Свердловской обл. 60,5 % опрошенных совершили кражи (из них 48,4 – осуждены), 19,3 % – грабеж и разбой.

Группа несовершеннолетних с правопослушным поведением первично включала 138 чел. (средний возраст = 15,9 лет, SD = 1,43 лет, 54,3 % – мужского

пола). После выявления отношения к криминальной субкультуре из нее были исключены лица, обнаружившие положительное (9 чел.) и нейтральное (17 чел.) отношение. В итоге в исследовании участвовало 112 правопослушных несовершеннолетних с негативным отношением к криминальной субкультуре. Все обследуемые обучались в средних общеобразовательных школах г. Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, на момент обследования не совершали правонарушений (преступлений), не состояли на профилактическом учете в городских подразделениях по делам несовершеннолетних.

Результаты исследования описаны последовательно: сначала приводятся значения показателей социальных связей, а затем статистические различия между группами правонарушителей и правопослушных несовершеннолетних.

1. Описательные характеристики системы социальных связей представлены в табл. 2.

Таблица 2

Различия в субъективных характеристиках социальных связей в группах правонарушителей и правопослушных несовершеннолетних

ПОКАЗАТЕЛЬ	Правонарушители (n = 86)			Правопослушные (n = 112)		
	Mean	SD	Median	Mean	SD	Median
Объем	2,1	1,7	2	5,9	1,9	5
Стабильность	4,1	0,7	4	4,5	0,6	4
Гомогенность	4,4	1,2	4	2,5	1,9	3
Подчиненность	2,1	1,3	2	2,4	1,2	2
Референтность	2,3	1,4	2	5,1	1,1	5

Примечание: Mean – среднее значение, SD – стандартное отклонение, Median – медиана

2. Сравнение представлений правонарушающих и правопослушных несовершеннолетних относительно социальных связей показало статистические различия по характеристикам: объема (Н крит. = 94,7; $p = 0,001$, $\epsilon^2 = 0,13$), гомогенности (Н крит. = 14,65; $p = 0,001$, $\epsilon^2 = 0,05$), конфликтности (Н крит. = 15,4; $p = 0,001$, $\epsilon^2 = 0,05$) и референтности (Н крит. = 12,02; $p = 0,001$, $\epsilon^2 = 0,05$).

Показатели стабильности социальных связей и подчиненности статистически не различаются в группах правонарушителей и правопослушных несовершеннолетних (Н крит. = 1,29; $p = 0,28$ и Н крит. = 1,17; $p = 0,28$). Объяснение этому видится в специфике возрастного и социального развития, общего для обеих групп обследуемых.

Обсуждение результатов

Целью исследования выступает эмпирическое изучение социальных связей делинквентной молодежи как важного элемента построения социального пространства личности. Результаты исследования в целом подтверждают гипотезу о специфических различиях представлений делинквентной и правопослушной молодежи о социальных связях.

Объем взаимодействия с окружающими у делинквентной молодежи ограничен малой группой людей у 77,5 % обследованных, для 37,9 % это диады и триады. 14,2 % респондентов сообщают об одиночестве, и только 6,5 % – о взаимодействии с несколькими группами. Эти данные находят подтверждение в лонгитюдном исследовании социальных связей осужденных несовершеннолетних, выполненном Н. А. Цвекер с соавторами. Ими установлено, что социальные связи преступников являются небольшими и замкнутыми, средний объем составляет всего 1,8 чел. [26].

Конечно, в абсолютных значениях наши результаты отличаются, поскольку в иностранной выборке 20 % обследуемых были одиночки или имели дружеские отношения только с одним человеком. Кроме того, в обследованной нами группе большинство указало на связи со сверстниками, а участники зарубежного исследования – с членами семьи. Несмотря на различия в качествах участников социальных отношений, их небольшой объем отмечается в аналогичных исследованиях [21]. Сопоставление групп преступников и правопослушных показывает, что объем взаимодействия статистически различается (Н-критерий Краскела – Уоллеса = 94,7, $p = 0,001$, $\epsilon^2 = 0,05$). 75,8 % обследованных правопослушных подростков и юношей указывают на объем двух–трех малых групп, а об одиночестве говорят лишь 1,2 % опрошенных. Микрогрупповое взаимодействие присуще только 22,7 % обследованных, в отличие от 37,9 % у правонарушителей.

Показатель гомогенности социального окружения описывает воспринимаемую меру близости, схожести людей, с которыми взаимодействует несовершеннолетний. Высокая гомогенность приписывается людям с похожими целями, ценностями и установками, а низкая гомогенность (то есть гетерогенность) – людям с абсолютно различающимися. Дополнительной характеристикой гомогенности является противоречивость взглядов и идей в соци-

альном окружении, повышение которой приводит к конфликтности последнего. Показатели рассчитывались на основе оценки обследуемыми схожести их окружения и вероятности противоречий между ними (оценка удовлетворительна: α -Кронбаха = 0,55, корреляция между ними значима ($r = 0,38$, $p < 0,05$)).

Социальное окружение воспринимается несовершеннолетними правонарушителями преимущественно однородным, о чем сообщили 60,4 % опрошенных. 23,1 % указали на сильные отличия между людьми, входящими в зону их повседневного общения, а 14 % отметили полную непохожесть. Эти результаты соответствуют выводам Д. Л. Хань, сделанным в 2002 г. по результатам исследований социального окружения американских подростков-правонарушителей [20]. В ее работе оценивалась роль социального окружения делинквентных и правопослушных подростков в побуждении к криминальному поведению. По данным исследования, делинквентные подростки составляют половину от общего числа социальных связей будущих правонарушителей, образуя идеологически непротиворечивую среду, формирующую криминальные убеждения.

Изучение конфликтности заключалось в оценке противоречий в ценностях и убеждениях лиц, составляющих круг общения.

В среде правонарушителей уровень конфликтов убеждений среди социального окружения низок, о чем сообщают 72,8 % обследуемых. Только 27 % считают свой круг общения потенциально конфликтным, предвидя противоречия между его участниками. Эти взгляды определяют значимость статистических различий между группами правонарушителей и правопослушных (Н-критерий Краскела – Уоллеса = 14,65, $p = 0,001$, $\epsilon^2 = 0,05$).

Правопослушные подростки в большинстве отрицают возможность конфликтов в социальном окружении (96,1 % обследованных), лишь 3,1 % предполагают противоречия между взглядами знакомых. Можно полагать, что различия внутри социального окружения правопослушных подростков не приводит к конфликтам между ними из-за: а) отсутствия предмета противоречий, б) способности к решению противоречий неконфликтным путем [9]. Исходя из этих конфликтологических представлений, социальное окружение правонарушителей более конфликтно.

Полученные результаты показывают, что объем референтных лиц (69,3 % опрошенных нами правонарушителей) ограничен малой группой. Лишь 3,6 % перечислили более одной средней группы.

Можно заключить, что объем референтных лиц примерно соответствует объему взаимоотношений несовершеннолетних и, как правило, сфокусирован на круге близких. Об этом говорит и показатель интереса к мнению окружающих людей: у половины выборки (43,2 %) правонарушителей он слабый, вовсе отсутствует – у 11,2 %. Лишь 36,7 % считают для себя полезным знать, что о них думают окружающие люди.

Изучение референтности в группе правопослушных указывает на статистические отличия в атрибуции референтности с группой правонарушителей (Н-критерий Краскела – Уоллеса = 16,97, $p = 0,001$,

$\varepsilon^2 = 0,05$). Правопослушные называют большее количество людей, чье мнение для них интересно (в среднем объем референтной группы приближается к 15 лицам), в то время как у правонарушителей он составляет 5 и менее лиц.

Выводы

Установленные результаты демонстрируют влияние криминальной субкультуры на социальное взаимодействие в части минимизации объема, гомогенности социального окружения, повышенной конфликтности и снижения референтности. Объяснение этому видится в психологических особенностях отношений с лицами, составляющими социальное окружение несовершеннолетних правонарушителей.

Так, минимизация объема обусловлена установкой на ограниченность социального взаимодействия малым кругом людей, пользующихся доверием. Конечно, такое ограничение снижает возможности несовершеннолетних получать помощь и поддержку людей, в отличие от правопослушных несовершеннолетних, не ограничивающих свое взаимодействие.

Выявленная гомогенность социального окружения является производной от снижения объема социальных контактов. Можно заключить, что круг общения несовершеннолетнего правонарушителя составляют лица со схожими ценностями и убеждениями. В то время как у правопослушных несовершеннолетних социальное окружение отличается разнообразием направленностей и ценностей. Как следствие, правонарушители оказываются в однородном информационном пространстве, содержащем похожие идеи, ценности и значения. В случае когда они имеют асоциальную, криминальную направленность, подростку сложно осознать их неправильность, поскольку люди, образующие его социальное окружение, поддерживают данные идеи, не предлагая новых.

Установленная в исследовании повышенная конфликтность социального окружения несовершеннолетних правонарушителей является, на наш взгляд, отражением ценностных установок криминальных субкультур. Участники подобных групп считают насилие допустимым и оправданным способом достижения необходимых целей, отстаивания интересов, демонстрации статуса. Таким образом, конкуренция внутри подобных групп либо отсутствует, будучи блокированной страхом, либо проявляется в форме насилия.

Снижение референтности социального окружения обусловлено обесцениванием людей, придерживающихся ценностей традиционной культуры. Являющаяся частью криминальной идеологии пропаганда гедонистического образа жизни снижает значимость профессионального труда, образования, семьи и социального порядка. В противовес им криминальная субкультура предлагает в качестве ценности удачу и поддержку криминального сообщества [3].

Таким образом, влияние криминальных субкультур на социальное взаимодействие несовершеннолетних правонарушителей можно признать социально-деструктивным. Об этом, на наш взгляд, свидетельствуют следующие социально-психологические особенности:

- регуляция социального взаимодействия через отнесение его субъектов к разным категориям (например, свои – чужие, преступники – жертвы), предписание соответствующего отношения к ним;

- гомогенизация социального окружения путем исключения лиц, имеющих просоциальные ценности и убеждения, целенаправленным поддержанием отношений с лицами, обладающими криминальным статусом;

- повышенная враждебность, обусловленная признанием насилия в качестве допустимой формы взаимодействия с другими людьми;

- формирование гедонистической направленности взаимодействия пропагандой идеи быстрого обогащения, в том числе путем совершения преступления.

Криминальные субкультуры ограничивают взаимодействие, искажая восприятие его участников, ориентируют на проявление эгоизма и обесценивание других людей. Будучи внешне привлекательным способом повышения статуса несовершеннолетнего в глазах окружающих, криминальные субкультуры существенно ограничивают его социальные возможности, в первую очередь снижая социальные ресурсы – помощь и поддержку людей. Позволяя конкурировать со сверстниками, противопоставлять себя взрослым людям, бравировав близостью к уголовному миру, криминальная субкультура не способна более ничем повысить социальную самооценку подростка. Наряду с этим она обладает возможностью исказить мировоззрение, романтизируя мир преступников, создавая альтернативные стратегии обретения благополучия.

Поддерживая целесообразность уголовного преследования лиц, пропагандирующих криминальную идеологию, отметим, что меры предупреждения криминализации несовершеннолетних и молодежи должны иметь не только карательную, но и вовлекающую направленность. Противодействие распространению криминальных субкультур следует осуществлять исходя из возможностей, которые обеспечивает несовершеннолетним расширение социального взаимодействия, в том числе увеличение числа социальных связей, предоставление возможностей для самореализации через совместную общественно полезную деятельность. За счет активного вовлечения несовершеннолетних в различные социально полезные инициативы можно формировать социально ценное мировоззрение и общественную ориентацию подрастающего поколения.

Заключение

Результатом исследования стало раскрытие особенностей социального взаимодействия несовершеннолетних правонарушителей, вовлеченных в криминальную субкультуру. Определены особенности социального взаимодействия несовершеннолетних правонарушителей, показана деструктивная роль в нем криминальной субкультуры. Выводы исследования показывают перспективы изучения социальных связей делинквентных подростков и молодежи в целях предупреждения их криминализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабанов, Н. П. Криминологический и психологический аспекты криминальной идеологии и образа жизни в криминальной субкультуре осужденных / Н. П. Барабанов // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Том 25, № 2. – С. 177–182.
2. Блохина, М. В. Молодежные субкультуры в современном обществе : монография / М. В. Блохина, Л. Г. Григорьев. – Тверь : ТГТУ, 2004. – 127 с.
3. Дзьоник, Д. В. Социально-психологические особенности сообществ, разделяющих психологию «АУЕ» / Д. В. Дзьоник, А. А. Рожков // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики : материалы всероссийской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2020. – С. 135–139.
4. Кошенова, М. И. Представления подростков «группы риска» о криминальной субкультуре как ресурсе идентичности / М. И. Кошенова, Е. А. Краюшкина // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. – 2019. – № 1. – С. 91–118.
5. Кудряшов, М. А. Субкультура и после нее: история фундаментального понятия молодежных исследований / М. А. Кудряшов // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 1. – С. 23–32.
6. Лесин, А. В. Референтные отношения в структуре общения подростков / А. В. Лесин, Н. А. Ильичева, Н. В. Фомина // Международный студенческий научный вестник. – 2016. – № 5-1. – С. 113–114. – URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=15344> (дата обращения: 15.11.2021).
7. Мацкевич, И. М. Криминальная субкультура / И. М. Мацкевич // Российское право в Интернете. – 2005. – № 1. – С. 5. – URL: <https://www.twirpx.com/file/742088/> (дата обращения: 01.11.2021).
8. Мертон, Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – Москва : Прогресс, 1966. – С. 299–313.
9. Плещица, С. Г. Основы конфликтологии / С. Г. Плещица. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУЭФ, 2012. – 229 с.
10. Социальный портрет преступности: портал правовой статистики // Генеральная прокуратура Российской Федерации : официальный сайт. – URL: http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 03.11.2021).
11. Сочивко, Д. В. Молодежь России: образовательные системы, субкультуры, исправительные учреждения : учебно-методическое пособие / Д. В. Сочивко, Н. А. Полянин. – Москва : МПСИ, 2009. – 264 с.
12. Федосеева, А. А. Криминальная субкультура как агент социализации молодежи : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Федосеева Анжелика Андреевна. – Майкоп, 2012. – 28 с.
13. Шпак, С. В. Криминальная субкультура молодежи в современном российском обществе: тенденции формирования и распространения: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Шпак Сергей Валерьевич. – Краснодар, 2012. – 31 с.
14. Щедрина, Е. В. Значимый круг общения и основы его экспериментального выявления / Е. В. Щедрина // Социально-психологические проблемы формирования личности и учебно-воспитательного коллектива : сборник трудов. – Москва : МГПИ, 1975. – С. 61–70.
15. Bartlett, R. Clusters of problem behaviors in adolescents / R. Bartlett, D. Holditch-Davis, M. Belyea // Journal of Pediatric Nursing. – 2007. – № 33 (1). – Pp. 13–18. – doi: 10.1002/nur.20078.
16. Bichler, G. Drug Supply Networks: A Systematic Review of the Organizational Structure of Illicit Drug Trade / G. Bichler, A. Malm, T. Coope // Crime Science. – 2017. – Volume 6, no. 2. – Pp. 1–23. – doi: 10.1186/s40163-017-0063-3.
17. Brookmeyer, K. A. Schools, parents, and youth violence: A multilevel, ecological analysis / K. A. Brookmeyer, K. A. Fanti, C. C. Henrich // Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology. – 2006. – Volume 35, no. 4. – Pp. 504–514. – DOI:10.1207/s15374424jccp3504_2.
18. Burk, W. J. Adolescent perceptions of friendship and their associations with individual adjustment / W. J. Burk, B. Laursen // International Journal of Behavioral Development. – 2005. – Volume 29, no. 2. – Pp. 156–164. – doi: 10.1080/01650250444000342.
19. Clark, J. L. Social Network Sites and Well-Being: The Role of Social Connection / J. L. Clark, S. B. Algoe, M. C. Green // Current Directions in Psychological Science. – 2018. – Volume 27, no. 1. – Pp. 32–37. – DOI: 10.1177/0963721417730833.
20. Haynie D. L. Friendship Networks and Delinquency: The Relative Nature of Peer Delinquency / D.L. Hanie // Journal of Quantitative Criminology. – 2002. – № 18. – Pp. 99–134. – doi: 10.1023/A:1015227414929.
21. Papachristos, A. V. The network structure of crime / A. V. Papachristos // Sociology Compass. – 2014. – Volume 8, no. 4. – Pp. 347–357. – doi: 10.1111/soc4.12147.
22. Roman, C.G., Cahill M., Mayes L.R. Changes in personal social networks across individuals leaving their street gang: just what are the youth leaving behind? / C.G. Roman, M. Cahill, L.R. Mayes // Social Sciences. – 2021. – Vol. 10 (39). Pp. 1–22. doi: 10.3390/socsci10020039.
23. Shoemaker, D. J. Theories of Delinquency: An examination of explanations of delinquent behavior / D. J. Shoemaker. – 3rd ed. – New York : Oxford University Press, 1996. – 218 p.
24. Tabassum, S. Social network analysis: An overview / S. Tabassum, F. S. F. Pereira, S. Fernandes, J. Gama // Wiley Interdisciplinary Reviews: Data Mining and Knowledge Discovery. – 2018. – Volume 8, no. 5. – Pp. 71–74. – doi: 10.1002/widm.1256.
25. Valente, T. W. Ego- and personal-networks effect / T. W. Valente // Social networks and health: models, methods, and applications. – New York : Oxford University Press, 2010. – Pp. 61–80.
26. Zlokazov, K. V. Youth notion about social space: interactive, reflective, and receptive components / K. V. Zlokazov, Y. R. Tagiltseva // Advances in social science, education and humanities research : Proceedings of the International Scientific Conference «Digitalization of Education: History, Trends and Prospects» (DETP 2020). – Ekaterinburg : Atlantis Press, 2020. – Pp. 614–620. – doi: 10.2991/assehr.k.200509.111.
27. Zwecker, N. A. Social Support Networks among Delinquent Youth: An 8-Year Follow-up Study / N. A. Zwecker, A. J. Harrison, L. J. Welty, L. A. Teplin, K. M. Abram // Journal of offender rehabilitation. – 2018. – Volume 57, no. 7. – Pp. 459–480. – doi: 10.1080/10509674.2018.1523821.

REFERENCES

1. Barabanov N.P. Criminological and psychological aspects of the criminal ideology and way of life in the criminal subculture of convicts. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2017, vol. 25(1–4), no. 2, pp. 177–182. (In Russ.).
2. Blokhina M.V., Grigor'ev L.G. *Molodezhnye subkul'tury v sovremennom obshchestve: monografiya* [Youth subcultures in modern society: monograph]. Tver: TGTU, 2004. 127 p.
3. Dz'onik D.V., Rozhkov A.A. Socio-psychological features of communities sharing the psychology of "AUE". In: *Pedagogika i psikhologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: integratsiya teorii i praktiki: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Pedagogy and psychology in the activities of law enforcement officers: integration of theory and practice: materials of the All-Russian scientific and practice conference]. Saint Petersburg: S.-Peterb. un-t MVD Rossii, 2020. Pp. 135–139. (In Russ.).
4. Koshenova M.I., Krayushkina E.A. Perceptions of adolescents of the "risk group": about criminal subculture as an identity resource. *PEM: Psychology. Educology. Medicine*, 2019, no. 1, pp. 91–118. (In Russ.).
5. Kudryashov M.A. Subculture and after it: history of the fundamental concept of the youth research. *Etnograficheskoe obozrenie=Ethnographic Review*, 2014, no. 1, pp. 23–32. (In Russ.).
6. Lesin A.V., Il'icheva N.A., Fomina N.V. Reference relations in the structure of communication of adolescents. *Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik=European Student Scientific Journal*, 2016, no. 5-1, pp. 113–114. Available at: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=15344> (In Russ.). (Accessed November 15, 2021).
7. Matskevich I.M. Criminal subculture. *Rossiiskoe pravo v Internete= Russian Law on the Internet*, 2005, no. 1. Available at: <https://www.twirpx.com/file/742088/> (In Russ.). (Accessed November 1, 2021).
8. Merton R. Social structure and anomie. In: *Sotsiologiya prestupnosti (Sovremennye burzhuaznye teorii)* [Sociology of crime (Modern bourgeois theories)]. Moscow: Progress, 1966. Pp. 299–313. (In Russ.).
9. Pleshchitsa S.G. *Osnovy konfliktologii* [Fundamentals of conflictology]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGUEF, 2012. 229 p.
10. Sotsial'nyi portret prestupnosti: portal pravovoi statistiki. *General'naya prokuratura Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Prosecutor General's Office of the Russian Federation: official website]. Available at: http://crimestat.ru/social_portrait (In Russ.). (Accessed November 3, 2021).
11. Sochivko D.V., Polyanin N.A. *Molodezh' Rossii: obrazovatel'nye sistemy, subkul'tury, ispravitel'nye uchrezhdeniya: uchebno-metodicheskoe posobie* [Youth of Russia: educational systems, subcultures, correctional institutions: teacher edition]. Moscow: MPSI, 2009. 264 p.
12. Fedoseeva A.A. *Kriminal'naya subkul'tura kak agent sotsializatsii molodezhi: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata sotsiologicheskikh nauk* [Criminal subculture as an agent of socialization of the youth: Candidate of Sciences (Sociology) dissertation abstract]. Maikop, 2012. 28 p.
13. Shpak S.V. *Kriminal'naya subkul'tura molodezhi v sovremennom rossiiskom obshchestve: tendentsii formirovaniya i rasprostraneniya: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filosofskikh nauk* [Criminal subculture of the youth in modern Russian society: trends of formation and dissemination: Candidate of Sciences (Philosophy) dissertation abstract]. Krasnodar, 2012. 31 p.
14. Shchedrina E.V. Significant social circle and the basics of its experimental identification. In: *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy formirovaniya lichnosti i uchebno-vospitatel'nogo kollektiva* [Socio-psychological problems of personality formation and educational staff]. Moscow, 1975. Pp. 61–70. (In Russ.).
15. Bartlett R., Holditch-Davis D., Belyea M. Clusters of problem behaviors in adolescents. *Journal of Pediatric Nursing*, 2007, no. 33(1), pp. 13–18. DOI: 10.1002/nur.20078.
16. Bichler G., Malm A., Coope T. Drug supply networks: a systematic review of the organizational structure of illicit drug trade. *Crime Science*, 2017, no. 6(2), pp. 1–23. DOI: 10.1186/s40163-017-0063-3.
17. Brookmeyer K.A., Fanti K.A., Henrich C.C. Schools, parents, and the youth violence: a multilevel, ecological analysis. *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*, 2006, vol.35 (4), pp. 504–514. DOI: 10.1207/s15374424jccp3504_2.
18. Burk W. J., Laursen B. Adolescent perceptions of friendship and their associations with individual adjustment. *International Journal of Behavioral Development*, 2005, vol.29, pp. 156–164. DOI: 10.1080/01650250444000342.
19. Clark J.L., Algoe S.B., Green M.C. Social network sites and well-being: the role of social connection. *Current Directions in Psychological Science*, 2018, no. 27, pp. 32–37. DOI: 10.1177/0963721417730833.
20. Haynie D.L. Friendship networks and delinquency: the relative nature of peer delinquency. *Journal of Quantitative Criminology*, 2002, no. 18, pp. 99–134. DOI: 10.1023/A:1015227414929.
21. Papachristos A.V. The network structure of crime. *Sociology Compass*, 2014, no. 8(4), pp. 347–357. DOI: 10.1111/soc4.12147.
22. Roman C.G., Cahill M., Mayes L.R. Changes in personal social networks across individuals leaving their street gang: just what are the youth leaving behind? *Social Sciences*, 2021, vol. 10 (39), pp. 1–22. DOI: 10.3390/socsci10020039.
23. Shoemaker D.J. *Theories of delinquency: an examination of explanations of delinquent behavior*. Oxford University Press: New York, 1996. 218 p.
24. Tabassum S., Pereira F.S.F., Fernandes S., Gama J. Social network analysis: an overview. *WIREs Data Mining and Knowledge Discovery*, 2018, no. 8 (5), pp. 71–74. DOI: 10.1002/widm.1256.
25. Valente T.W. *Ego and personal networks effect. Social networks and health: models, methods, and applications*. New York: Oxford University Press, 2010. Pp. 61–80.
26. Zlokazov K.V., Tagiltseva Y.R. The youth notion about social space: interactive, reflective, and receptive components. In: *Advances in social science, education and humanities research: proceedings of the International Scientific Conference "Digitalization of Education: History, Trends and Prospects" (DETP 2020)*. Ekaterinburg: Atlantis Press, 2020. Pp. 614–620. DOI 10.2991/assehr.k.200509.111.
27. Zwecker N.A., Harrison A.J., Welty L.J., Teplin L.A., Abram K.M. Social support networks among delinquent youth: an 8-year follow-up study. *Journal of Offender Rehabilitation*, 2018, no. 57 (7), pp. 459–480. DOI: 10.1080/10599674.2018.1523821.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КИРИЛЛ ВИТАЛЬЕВИЧ ЗЛОКАЗОВ – кандидат психологических наук, доцент, докторант докторантуры Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург, Россия, zkirvit@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>

KIRILL V. ZLOKAZOV – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Doctoral Candidate of the Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia, zkirvit@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>

Статья поступила 15.11.2021

